

Сергей Михайлов

Сбереженный час

Сергей Михайлов

Сбереженный час

«Автор»

2026

Михайлов С.

Сбереженный час / С. Михайлов — «Автор», 2026

Двенадцатилетнему Тимофею открывают счёт в первый день учебного года, и он заводит тетрадь, куда записывает, чьё время в чём. Старый столяр Егор Данилович сберегает восемнадцать часов и обнаруживает, что не умеет их прожить. Приезжий Марк, сбежавший оттуда, где ещё считают деньгами, понимает: у него забрали вершину — а вместе с ней и пропасть. Женщина, десять лет ухаживавшая за матерью, узнаёт, зачем город все эти годы записывал её часы. А счётчица Нина Петровна открывает сводную книгу и видит: у города не сходится. Восемьсот часов в месяц взялись ниоткуда. Она ищет обман три месяца и не находит ни одной приписки — все честны. Разгадку принесёт мальчик со своей тетрадью. И окажется, что это не беда, а самая хорошая беда, какая может случиться с людьми. Роман о городе, где справедливость не отменяет человека, а обнажает его.

© Михайлов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Сергей Михайлов

Сбереженный час

Глава

Роман

Часть первая. Осень

Глава первая. Три минуты

Счёт открывали после третьего урока, в кабинете, где пахло мастикой и старой бумагой.

Тимофей сидел на стуле, не доставая ногами до пола. Женщина за столом переворачивала страницы медленно, будто торопиться было чем-то неприличным. Её звали Нина Петровна. У неё были очень чистые руки и очки на цепочке.

— Фамилия.

— Ковалёв Тимофей Андреевич.

Она записала и достала из ящика книжицу в сером картоне, размером с ладонь.

— Смотри сюда. Здесь будет твоё время.

Книжица была пустая. Графы сверху, чистые линейки до самого низа.

— Сегодня ты сидел на уроках три часа. Слушал, писал. Это ты отдал. — Она обмакнула перо. — Твоё время, которое могло уйти на что угодно, а ушло вот на это, потому что городу надо, чтобы ты вырос умеющим.

Четвёртое сентября. Учение. Три часа.

И расписалась.

Тимофей взял книжицу. Она была почти невесомая, и от этого делалось странно: три часа его собственной жизни весили меньше яблока.

— А что с ними делать?

Нина Петровна впервые посмотрела на него прямо.

— Ничего. Они просто есть. Как рука. Ты же не спрашиваешь, что делать с рукой.

В коридоре толкались и кричали. Тимофей нёс книжицу двумя руками.

По дороге домой он остановился у булочной. Раньше он проходил мимо неё сто раз. Теперь остановился, потому что впервые в жизни у него было чем.

На картонке над буханками было написано от руки:

Хлеб пшеничный, 700 г — 3 мин. Батон — 2 мин. Булка с маком — 4 мин.

Он посчитал в уме и получил шестьдесят буханок. За один школьный день — шестьдесят буханок хлеба. Это оказалось так много, что он растерялся.

За прилавком стоял немолодой человек с мукой в бровях.

— Хлеба, — сказал Тимофей и положил книжицу, как видел у взрослых.

Пекарь посмотрел на единственную запись, и что-то в его лице переменялось. Он завернул буханку в бумагу, а книжицу отодвинул.

— Не буду списывать. Первый хлеб не списывают.

— Почему?

— Обычай. При отце так было. Первый хлеб мальчику — от города.

Тимофей взял свёрток. Он был тёплый снизу.

— А сколько там ваших минут? — спросил он вдруг.

Пекарь подумал.

— Моих — минута сорок. Месить, печь, следить. — Он посчитал на пальцах, беззвучно шевеля губами. — Мельника четырнадцать секунд. Тракториста, который поле пахал, — девять. Ещё возчик. Ещё те, кто на элеваторе. Ну и я стою, отпускаю, — это тоже время.

— А всего?

— Три минуты и получается. — Пекарь вытер руки о фартук. — Три минуты чьей-то жизни. Держи крепче, не урони.

Тимофей шёл домой и нёс буханку двумя руками.

Он думал вот о чём. Раньше хлеб был просто хлеб: лежал, кончался, покупали новый. А теперь в нём была минута сорок вот этого человека с мукой в бровях. И девять секунд какого-то тракториста, которого он никогда не видел и не увидит, и который сейчас, может быть, едет по полю и не знает, что девять секунд его жизни идут по улице Столярной в руках у мальчика.

Дома он положил хлеб на стол и долго на него смотрел.

Пришла мать, поставила сумку.

— Открыли?

Он показал книжицу. Она посмотрела на запись, потом на него. Села рядом.

— Ну вот. Теперь ты человек.

— Я и раньше был человек.

— Раньше ты был ребёнок. Ребёнок только берёт. — Она отвела прядь с его лба. — А теперь и берёшь, и отдаёшь. Это разное.

Ночью он не спал.

Он лежал и думал про три часа, которые где-то есть, записанные пером в сером картоне. Потом про минуту сорок пекаря. Потом ему в голову пришла мысль, от которой он сел в постели.

Если время есть в хлебе — значит, оно есть везде. В стуле. В подушке. В фонаре за окном. В его ботинках, которые стоят у двери и в которых кто-то ходил своими часами, пока их шил.

Он оглядел тёмную комнату — и комната перестала быть пустой.

Утром он нашёл в шкафу толстую тетрадь в клетку. Наверху первой страницы написал печатными буквами:

ЧЬЁ ВРЕМЯ

И ниже:

Хлеб 700 г — 3 мин. Пекарь 1 мин 40 сек. Мельник 14 сек. Тракторист 9 сек. Остальные — спросить. Ботинки — спросить у сапожника. Стол — спросить у деда Егора. Фонарь — ???

Он смотрел на эту страницу, и внутри было чувство, будто перед ним лежит целый мир, который надо весь пересчитать.

На пересчёт у него ушло потом одиннадцать лет.

Глава вторая. Женщина, которая видит все счета

Нина Петровна пришла в контору в пять утра, как приходила уже двадцать два года.

Она включила лампу над столом, открыла форточку и достала из сейфа большую книгу — не ту, в которой писали людям, а сводную, где сходились все счета города разом.

Работа была простая. Слева — часы, отданные горожанами за месяц. Справа — часы, ими потреблённые. Внизу должно было выйти одно и то же число, потому что иначе быть не могло: всякий час, кем-то полученный, был кем-то отдан. Это не правило и не закон. Это как дважды два.

Она подвела итог и посмотрела на разницу.

Разница была четыреста двенадцать часов.

Нина Петровна сняла очки, потёрла переносицу и посчитала заново.

Четыреста двенадцать.

В августе было двести восемьдесят. В июле — сто девяносто. В июне она вообще не заметила, потому что списала на округление.

Она встала, налила воды, постояла у окна. Светало. По улице Столярной шёл мальчик с портфелем, и она узнала его: вчера открывала ему счёт.

Она вернулась к книге.

Четыреста двенадцать часов, которых никто не отдал, — и они были потрачены. Кто-то съел, надел, использовал четыреста двенадцать часов чужой работы, за которыми не стояло ничьей работы.

Это было невозможно.

Ошибка искалась просто. Приписка, обман, неверный подсчёт где-то в цепочке. Она знала, как её ищут: поднимают книги по общинам, сверяют заявленное с исполненным, находят того, кто написал лишнее.

Только в этот раз ошибки не было.

Она искала её три недели, до конца сентября, и не нашла ни одной приписки. Все книги сходились. Каждый заявленный час был отработан. Каждый потреблённый час был кем-то произведён.

И всё-таки четыреста двенадцать часов взялись ниоткуда.

В последний вечер сентября Нина Петровна сидела в конторе, пока не стемнело, и смотрела на цифру.

Она была счётчиком двадцать два года. Она знала о своём городе то, чего не знал никто: у кого сколько, кто щедр, кто скуп, кто десять лет ухаживает за матерью и не берёт за это ни минуты сверх положенного.

И теперь она знала ещё одно.

Город получал больше, чем отдавал. Немного, но получал. И с каждым месяцем разрыв рос.

Она закрыла книгу, заперла её в сейф и пошла домой пешком, хотя обычно ездила.

Идти было далеко, и всю дорогу она думала об одном: если у города не сходится счёт, значит, кто-то в этом городе живёт за чужой счёт.

И она не знала, кто.

Глава третья. Приезжий

Марк приехал в конце сентября, автобусом, с одной сумкой.

Оттуда, где ещё считали деньгами, дорога занимала полтора дня, и всю дорогу он готовился к обману. Он знал, как это бывает: обещают одно, привозят в другое, а потом оказывается, что ты подписал то, чего не читал.

На вокзале его встретили, свели в контору и открыли счёт.

— Всё? — спросил Марк.

— Всё.

— А взнос?

— Какой взнос?

— За открытие.

Женщина в очках на цепочке посмотрела на него поверх стёкол.

— Открытие счёта — это запись в книге. У меня на неё уходит четыре минуты. Что вы хотите заплатить за четыре минуты?

Марк не нашёлся.

Три недели он искал подвох. Приходил в лавку, брал хлеб, смотрел, как списывают три минуты, и весь день считал в уме: три минуты, три минуты, а не обманывают ли меня на минуте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.